

Как и в практике европейских писателей,⁴¹ у русских литераторов встречаются посвящения разным лицам отдельных томов одного и того же издания: каждая книга имеет свое посвящение. Это характерно, в частности, для изданий Я. П. Козельского.⁴² Первую часть своего перевода книги Верто д'Обефа «История о переменах, происходивших в Швеции...» (1764) он посвятил директору Инженерного корпуса А. Н. Вильбоа (своему непосредственному начальнику), а вторую, вышедшую через год, — Е. А. Нарышкиной, в благодарность за ее «высокую милость». Подобным образом поступил Козельский, издавая свой перевод «Истории датской» (1765–1766) Л. Гольберга: первая часть имеет посвящение Г. Г. Орлову, а вторая — его брату Ф. Г. Орлову. С книгой Козельского «Рассуждения двух индийцев Калана и Ибрагима» (1788), имевшей торжественное посвящение Екатерине II, весьма бесцеремонно поступил Н. М. Амбодик-Максимович, переиздавший ее своим иждивением в том же году под названием «Китайский философ, или Ученые разговоры двух индийцев Калана и Ибрагима» без указания автора, заменив посвящение Козельского собственным — посвящением своему начальнику А. О. Закревскому. Чужое сочинение использовалось для того, чтобы засвидетельствовать «глубочайшее высокопочитание» и преданность покровителю: тексту посвящения соответственно придавалось большее значение, чем тексту самого сочинения. Впрочем, поступок Н. М. Амбодика-Максимовича — достаточно редкое явление в издательской практике того времени. Чаше издатели предпосылали свои посвящения книгам уже умерших авторов, и самая работа над изданием оказывалась уже их собственной несомненной заслугой (примером может служить упоминавшееся «Собрание разных сочинений» Ломоносова, изданное Д. Е. Дамаскиным (Семеновым-Рудневым)).

Подносный экземпляр рукописи, как и дарственная надпись на книге предназначались лишь для одного читателя — самого адресата. Печатное посвящение становилось достоянием публики, что должно было быть особенно лестно: литератор восхвалял адресата «пред целым светом». Посвящение — в самой своей основе жанр панегирический, что и отличает его от предисловия и сближает с хвалебной одой или похвальным словом. Комплиментарная литература — подносные стихи, похвальные оды и речи — была связана с некоей «моралью сервиллизма», которой не чужды были и замечательные авторы, как например Ф. Малерб или И.-Х. Гюнтер.⁴³ На русской почве этот обычай «ласкати царям» (выражение А. Н. Радищева) принес разные плоды: с одной стороны, это и комплиментарные, но наполненные глубоким общественным содержанием и истинным поэтическим вдохновением стихи М. В. Ломоносова, А. П. Сумарокова, Г. Р. Державина, М. М. Хераскова; с другой — множе-

⁴¹ См.: Genette G. Paratexts. P. 127. В качестве примера приводится, в частности, роман Л. Стерна «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена» (1760–1767, т. 1–9).

⁴² См.: Степанов В. П. Козельский Я. П. // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 1999. Вып. 2 (К–П). С. 91–93.

⁴³ См.: Пумпянский Л. В. Ломоносов и немецкая школа разума // Русская литература XVIII—начала XIX века в общественно-литературном контексте. Л., 1983. С. 6–7. (XVIII век. Сб. 14).